

Диана Фурсова

ИЗМЕНА ДРАКОНА.
Я ЗАБРАЛА ЕГО
КОРОНУ

Диана Фурсова

**Измена дракона. Я
забрала его корону**

«Литнет»

2026

Фурсова Д.

Измена дракона. Я забрала его корону / Д. Фурсова — «Литнет», 2026

В день, когда мой муж, император-дракон Эрвен, объявляет перед всем двором, что любит другую, я теряю всё сразу: брак, титул и место рядом с тронном. Через семь дней он собирается короновать мою соперницу, а мне предлагает тихо исчезнуть из его жизни. Но церемония развода заканчивается совсем не так, как он задумал. Одно из Семи Крыльев древней императорской Короны покидает Эрвена и ложится мне в ладонь. Вскоре я узнаю правду, которую его династия скрывала столетиями: Корона не принадлежит крови. Каждое Крыло признаёт того, кто действительно исполняет одну из обязанностей государя. И если остальные выберут меня, законным правителем станет уже не Эрвен. Теперь бывший муж хочет вернуть то, что потерял. Двор объявляет меня опасной претенденткой. Враги пытаются доказать, что я годами готовила переворот. А Тайрен Кельвар, загадочный Хранитель последнего Крыла, сразу предупреждает: он не станет моим защитником. Более того — если Корона сочтёт меня недостойной, именно он должен будет забрать её у меня. Эрвен когда-то решил, что без него я стану никем. Он ещё не знает, что теперь мне нужно не место рядом с его тронном. Мне нужен сам трон.

© Фурсова Д., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Измена перед тронном	5
Глава 2. Женщина, которой нельзя владеть	14
Глава 3. Королева без короны	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Глава 1. Измена перед троном

О том, что мой муж собирается объявить мне о разводе перед шестью сотнями гостей, я узнала за семь минут до начала церемонии. Не от Эрвена. От распорядителя, который побледнел, увидев меня в восточной галерее, и так поспешно спрятал за спину свиток с порядком торжества, что этим выдал себя лучше любого признания.

— Господин Рейвар, что вы от меня прячете?

Он открыл рот, но ответить не успел. Из Тронного зала донёсся низкий протяжный звук рогов, и высокие окна галереи едва заметно задрожали. Первый сигнал. Через семь минут двери распахнутся, главы драконьих Домов займут свои места, послы склонятся перед императорским престолом, а Эрвен в тридцать второй раз наденет Корону Семи Крыльев. Двенадцать из этих церемоний я провела рядом с ним. Сегодня моё кресло у трона исчезло.

Я заметила это ещё утром, но решила, что распорядители меняют убранство. В День Короны дворец превращался в гигантский механизм, где даже опытный слуга мог перепутать знамя, место посла или очередность приветствий. Я не вмешивалась без необходимости. Последние три недели у нас были другие заботы: западные наместники отказывались принимать новые пошлины, северный Дом Кайр требовал пересмотра торгового соглашения, а казначейство второй месяц не сходилось в расчётах на сумму, достаточную для содержания двух пограничных крепостей.

До полуночи я разбирала бумаги. До двух часов беседовала с представителем Дома Кайр. На рассвете получила от него согласие. А теперь стояла перед человеком, который боялся посмотреть мне в глаза.

— Дайте сюда.

— Ваше величество, я не могу...

— Это порядок церемонии. С каких пор мне нельзя его видеть?

Рейвар сжал свиток. За двадцать восемь лет службы он научился угадывать мои просьбы, прежде чем я открывала рот. Сейчас он впервые делал вид, что не понимает.

— Государь запретил, — выдавил он и тут же отвёл глаза.

Я ещё держала руку протянутой, когда за спиной зашуршала тяжёлая ткань. Я обернулась. Из боковой арки вышла женщина в платье цвета расплавленного золота. Селмара Орвейн. Она шла не одна. Следом держались две дамы из её Дома, дальше — молодой камергер Эрвена и четверо дворцовых стражников. Именно такое сопровождение полагалось члену императорской семьи. Селмара ею не была.

По крайней мере, когда я легла спать прошлой ночью. Её светлые волосы были уложены слишком торжественно для обычной гостьи, на висках поблёскивали тонкие золотые цепочки, а на груди висел знак Дома Доррейнов — чёрный дракон с расправленными крыльями. Мой знак. Не тот самый кусок металла, который двенадцать лет лежал в моей шкатулке, а символ положения, которое он обозначал. Селмара остановилась в четырёх шагах от меня. Ни удивления, ни смущения на её лице не было.

Только ожидание. И тогда всё сложилось. Не сразу в картину — сначала в набор мелких деталей, которым я слишком долго находила разумные объяснения. Эрвен трижды отменял совместные ужины. Две недели не заходил в мои покои. На последнем совете Селмара сидела ближе к нему, чем позволял её ранг.

Вчера я получила распоряжение освободить северное крыло дворца от гостей. Сегодня моё кресло исчезло. А теперь на груди другой женщины висел дракон Доррейнов. Я почувствовала, как внутри становится очень тихо. Не больно. Боль, наверное, придёт позже.

Сначала пришло именно это пугающее спокойствие, знакомое мне по заседаниям Совета, когда кто-нибудь сообщал о новой катастрофе и все начинали говорить одновременно. В такие

минуты мне всегда требовалось несколько секунд, чтобы отделить то, что уже случилось, от того, что ещё можно изменить.

— Сколько у нас времени, Рейвар?

— До церемонии? Шесть минут, ваше величество.

Шесть. Значит, хотя бы эти шесть минут я могла распорядиться собой сама.

— Лиарна, нам нужно поговорить, — начала Селмара.

— Вчера нужно было.

Одна из её дам шумно вздохнула. Селмара сделала вид, что не услышала.

— Эрвен хотел сказать вам сам.

— А пришли вы.

— Он меня не посылал. Я подумала...

— Не продолжайте.

Я подошла к распорядителю и протянула руку.

— Свиток, Рейвар. Сейчас.

Рейвар посмотрел куда-то поверх моего плеча, словно надеялся, что из стены появится сам император и избавит его от необходимости выбирать. Не появился. Распорядитель медленно отдал мне документ. Сверху всё было привычно: прибытие Домов, приветствие послов, клятва хранителей, возложение Короны. Я развернула свиток дальше. Строка, которой не должно было существовать, была вписана между клятвой наместников и торжественным пиром.

«Объявление императора о прекращении брачного союза с Лиарной Вейрель». Ниже: «Представление двору госпожи Селмары Орвейн как будущей императрицы». И ещё ниже, мелким почерком секретаря: «Бракосочетание назначить на седьмой день после расторжения прежнего союза». Я перечитала дважды.

Не потому, что не поняла. Потому, что двенадцать лет моей жизни почему-то заняли три короткие строки. Я подняла голову. Селмара больше не улыбалась; наверное, решила, что теперь начнутся слёзы. Я свернула документ. Край не попадал на место, и пришлось разгладить его ладонью, прежде чем вернуть Рейвару.

— При ком это писали?

— Государь, верховный законник, глава канцелярии...

Рейвар запнулся и покосился на Селмару.

— Я тоже была там, — сказала она.

— Вот как.

— Лиарна, мне жаль, что вы узнали таким образом.

— Вы стояли рядом, когда это вписывали?

— Да. Но я не хотела...

— Я услышала вас.

— Вы думаете, я пришла позлорадствовать?

— Я думаю, что у меня осталось несколько минут. Оставьте их мне.

Селмара побледнела. Я знала, чем задеть её ещё, — за двенадцать лет при дворе этому научилась любая женщина на моём месте. Но злость на неё казалась слишком простым выходом. Селмара не давала мне клятв. Селмара не сидела рядом со мной после первой коронации, когда я не могла расстегнуть тяжёлый церемониальный воротник от дрожи в пальцах. Селмара не говорила, что однажды мы перестанем быть императором и императрицей хотя бы за закрытыми дверями и снова станем Эрвеном и Лиарной. Это говорил он.

— Пять минут, — тихо произнёс Рейвар.

Я повернулась к окну. Внизу, за арками внутреннего двора, уже выстраивались знаменосцы. Ветер подхватывал полотнища семи великих Домов: алое, серебряное, синее, зелёное,

белое, медное и чёрное. Чёрное принадлежало Доррейнам. Двенадцать лет я стояла под этим знаменем. До свадьбы моим цветом был серо-синий.

Дом Вейрелей был старше половины нынешних династий и беднее почти всех. Мой отец оставил мне небольшое поместье, старый городской двор и имя, которое при дворе уважали ровно настолько, насколько удобно уважать род без армии и золота. Эрвен когда-то сказал, что именно поэтому выбрал меня. «Ты ничего от меня не хочешь». Мне было двадцать три. Я поверила.

Теперь мне было тридцать пять, и я слишком хорошо знала цену словам, сказанным мужчиной, который привык получать желаемое прежде, чем успевал понять, действительно ли оно ему нужно.

— Ваше величество... Вы всё-таки войдёте? — спросил Рейвар.

Он смотрел на двери, словно именно там мог найти ответ. Эрвен убрал моё кресло, вызвал законника, пригласил Селмару. Ему оставалось дожидаться, пока я сама избавлю его от последнего неудобства и исчезну. Я расправила плечи.

— Войду. Объявляйте меня, как положено.

Селмара шагнула ко мне.

— Подумайте, вам придётся стоять перед всеми. Может быть, легче...

— Остаться здесь?

Она замолчала.

— Я не это имела в виду.

— Тогда я не поняла.

Я обвела взглядом камергеров, стражников, её дам. Рейвар опустил голову; остальные тоже почему-то смотрели мимо меня.

— Император решил говорить при дворе. Я буду там и выслушаю его.

Прозвучал второй сигнал. Оставалось три минуты. Я двинулась к дверям. Селмара пошла следом.

— Лиарна, подождите.

Я продолжала идти.

— Он собирался к вам вчера вечером. Правда. Его задержали в Совете.

Я остановилась.

— Совет закончился в девять.

Селмара чуть приоткрыла рот.

— Я подписывала протокол, — сказала я. — Не повторяйте за ним. Хотя бы это проверьте сами.

Селмара отвела взгляд. Это было первое удовлетворение за сегодняшний день. Маленькое и неприятное. Я не хотела превращаться в женщину, которой нужна растерянность соперницы, чтобы удержаться на ногах. Поэтому больше ничего не сказала. У высоких бронзовых дверей уже стояли двое хранителей церемонии. При моём приближении они одновременно склонили головы.

Один из них задержал взгляд на Селмаре. Наверное, тоже увидел знак Доррейнов. Наверное, тоже всё понял.

К вечеру будет знать вся столица. К утру — все семь провинций. К концу недели мою семейную жизнь будут обсуждать в портах, на рынках, в гостиных и караульных помещениях. Императрица, от которой отказался дракон. Я неожиданно подумала не о позоре. О бумагах.

На моём столе лежало восемнадцать нерассмотренных прошений из Лейрской долины. Завтра должен был приехать представитель южных земель. Через три дня Совет собирался утверждать новый порядок распределения доходов между провинциями. Если меня сегодня лишат титула, кто возьмёт это на себя? Эрвен? За двенадцать лет он ни разу не прочитал больше трёх прошений подряд. Я чуть не рассмеялась. Не от веселья.

От нелепости. Мой брак рушился, а я думала о канцелярии. Наверное, именно в этом и заключалась главная проблема последних лет. Я слишком долго была полезной. Настолько полезной, что меня перестали замечать. Двери распахнулись.

Шум Тронного зала исчез почти мгновенно. Шесть сотен человек повернули головы в мою сторону. Я вошла. Если кто-то и знал о предстоящем объявлении, таких было немного. Большинство гостей приветствовали меня привычными поклонами. Я видела знакомые лица, обменивалась короткими взглядами, замечала удивление тех, кто обнаруживал за моей спиной Селмару. Тронный зал Доррейнов строили не для людей. Он был рассчитан на драконов.

Потолок терялся высоко в полумраке, колонны были толщиной с башни, а вдоль стен шли чёрные каменные плиты с именами правителей прошлого. В дальнем конце возвышался престол, вырезанный из цельной тёмной породы, которую когда-то подняли со дна Огненного ущелья. На нём сидел Эрвен. Он увидел меня сразу. Я поняла это по тому, как изменилось его лицо. Всего на мгновение. Но после двенадцати лет брака мне хватало мгновения.

Он не ожидал, что я приду. Сегодня Эрвен был красив той холодной, почти нечеловеческой красотой, которая когда-то заставила меня забыть половину приготовленных слов на первой официальной встрече. Высокий, широкоплечий, с тёмными волосами и золотистыми глазами, слишком яркими даже для дракона. Церемониальный камзол подчёркивал военную выправку, на плечах лежала тяжёлая чёрная мантия.

На голове была Корона Семи Крыльев. Я видела её сотни раз, но именно сегодня почему-то рассматривала особенно внимательно. Тонкий обруч из тёмного металла. Над ним семь изогнутых пластин, похожих на поднятые драконьи крылья. Каждая отличалась рисунком прожилок. Говорили, что корону создали для первого объединителя империи и с тех пор она никогда не покидала рода Доррейнов. Историки спорили о многом. Об этом — почти никогда. Я дошла до предназначенного мне места.

Кресла там действительно не было. Только пустое пространство справа от трона. По залу прошёл первый шёпот. Я остановилась. Эрвен медленно поднялся.

— Лиарна.

Дома он звал меня так. На людях — «ваше величество», «императрица». Я посмотрела на пустое место возле трона.

— Государь.

Он слышал разницу. Между нами было четыре ступени, и ни одну он не спустился.

— Нам нужно было поговорить до церемонии.

Он говорил тихо, для меня одной.

— Я была во дворце. Ты знал, где меня найти.

— Я собирался прийти.

— Я тоже собиралась однажды научиться играть на лютне. Не получилось.

Эрвен нахмурился.

— Не надо здесь, Лиарна.

— А где? — Я чувствовала, как мешает церемониальный воротник. — Ты ведь уже всё приготовил здесь.

— Я хотел сделать иначе.

— Хотел...

Я замолчала, пока голос ещё слушался. Эрвен отвёл взгляд. За моей спиной послышались шаги. Селмара вошла в центр зала. Теперь шёпот превратился в гул. Эрвен посмотрел на неё, и этого оказалось достаточно. Я увидела то, чего до последней минуты какая-то особенно глупая часть меня всё ещё не хотела видеть.

Тепло. Не вспышку желания. Не неловкость. Не увлечение, которое можно было объяснить слабостью. Он смотрел на неё так, как когда-то смотрел на меня. Я отвернулась первой.

Вот теперь стало больно. Без красивых слов, без драматического удара судьбы. Просто внутри словно освободилось место, которое двенадцать лет занимал другой человек, и пустота оказалась гораздо тяжелее, чем он сам. Я сжала пальцы, спрятанные в складках платья. Только бы не сейчас. Не перед ними.

Не перед ним. Я переживу это позже. Когда вокруг не будет шестисот свидетелей. Главный распорядитель ударил жезлом о камень.

— День Короны императора Эрвена Доррейна, тридцать второй год правления Дома Доррейнов!

Зал ответил установленным приветствием. Я произнесла слова вместе со всеми. Голос не дрогнул. Началась церемония. Она длилась почти час. И это было самое странное испытание в моей жизни.

Послы выходили вперёд. Главы Домов приносили клятвы. Секретарь зачитывал достижения года. Среди них оказалось четыре соглашения, которые готовила я. О моём участии, разумеется, не упомянули. Эрвен принимал благодарности.

Я стояла справа от ступеней, потому что кресло так и не появилось. Селмара находилась среди представителей своего Дома, но слишком близко к центральному проходу, чтобы это выглядело случайностью. Я наблюдала. Постепенно боль уступала место другому чувству. Я начала считать. Кто уже знает.

Кто смотрит на Селмару. Кто избегает моего взгляда. Кто, напротив, смотрит слишком внимательно. Глава Дома Кайр хмурился. Старшая представительница Белого Дома дважды взглянула на пустое место рядом со мной. Южный наместник что-то прошептал советнику.

Двор уже понял, что происходит. И ждал зрелища. Наконец распорядитель объявил:

— Перед заключительной частью церемонии император желает обратиться к Домам и народу.

Наступила тишина. Эрвен встал. Я знала почти все его речи за последние двенадцать лет. Некоторые писала сама. Другие исправляла ночью, когда секретари приносили слишком тяжёлые фразы и слишком длинные перечисления. Эту речь я слышала впервые.

— Сегодня государство отмечает не только День Короны, — начал он. — Сегодня я должен сообщить о решении, которое касается императорского Дома.

Несколько человек посмотрели на меня. Я не отвела глаз.

— Двенадцать лет назад был заключён мой брак с Лиарной Вейрель.

Не «с моей супругой». Не «с императрицей». Лиарной Вейрель. Он уже вычёркивал меня из своей семьи.

— Этот союз принёс государству годы порядка и достойной службы.

Достойной службы. Я едва удержалась от горькой улыбки. Так можно было говорить о секретаре. О наместнике. О старом генерале. О женщине, которая двенадцать лет делила с ним жизнь, Эрвен тоже решил сказать именно так.

Он продолжал:

— Однако государственный союз не может существовать, когда между супругами больше нет того, что должно составлять его основу.

В зале было так тихо, что я слышала потрескивание огня в дальних чашах.

— Поэтому я принял решение расторгнуть наш брак.

Несколько женщин ахнули. Кто-то быстро зашептал. Эрвен поднял руку, и тишина вернулась.

— С сегодняшнего дня Лиарна Вейрель освобождается от обязанностей императрицы. Её титул прекращает действие после завершения церемонии.

Освобождается. Какая щедрость. Я почувствовала, как ногти впиваются в ладонь. Не от боли. От необходимости удержать лицо. Эрвен посмотрел на меня.

— По закону вам будет назначено содержание...

— Мне оно не нужно.

Эрвен сбился. По залу прошёл шум, и я поднялась на первую ступень, прежде чем он успел продолжить.

— Я не приму содержание, — повторила я.

— Лиарна, не торопись.

— Ты только что расторг наш брак перед всем двором. Дай мне ответить. Здесь же.

У него напряглась челюсть. Я ждала, не отводя глаз, и наконец он кивнул:

— Хорошо. Говори.

Я повернулась к залу. Сотни лиц. Заинтересованных. Сочувствующих. Злорадных. Испуганных.

Я неожиданно поняла, что больше всего боюсь не потери титула. Я боялась, что они увидят во мне только брошенную жену. Двенадцать лет моей работы, решений, бессонных ночей, договорённостей, спасённых соглашений и исправленных ошибок могли исчезнуть за одной фразой: Император предпочёл другую. Нет. Этого я ему не отдам.

— Я принимаю решение государя. Оспаривать расторжение брака перед Советом и Домами не стану.

Эрвен чуть опустил плечи. Значит, всё же боялся, что я попрошу его остаться.

— Но содержание оставьте себе. До этого брака у меня было собственное имя. С ним я и уйду.

В дальнем ряду кто-то одобрительно ударил ладонью по подлокотнику. Эрвен нахмурился.

— Это ещё не всё.

Сердце ударило сильнее. Я уже знала, что сейчас услышу. Он сделал паузу.

— Через семь дней рядом со мной будет коронована новая императрица.

Селмара вышла из ряда своего Дома. Шёпот прокатился по залу волной. Она поднялась к трону и остановилась слева от Эрвена. На месте, где двенадцать лет стояла я. Вот и всё. Оказывается, двенадцать лет можно заменить семью днями.

Эрвен протянул ей руку. Селмара вложила свою. Я смотрела на их пальцы и почему-то вспоминала совсем другое. Первую зиму нашего брака. Я тогда ещё путалась в придворных обычаях и однажды на официальном ужине села на место старшей дамы Белого Дома. Ошибка была ничтожной, но двор умел превращать ничтожные ошибки в оружие. После ужина я плакала от злости на себя.

Эрвен нашёл меня в библиотеке. Он не смеялся. Не читал наставлений. Просто сел на пол рядом со мной, хотя был императором, и сказал: «Через год они будут бояться ошибиться при тебе».

Через год так и произошло. Через двенадцать он сам решил, что меня можно переставить, как кресло.

— Есть ещё одно условие, — сказал Эрвен.

Я заставила себя посмотреть на него.

— До захода солнца вы должны покинуть дворец. С прекращением титула вы теряете право пользоваться фамилией Доррейнов.

— Я никогда её не носила.

Он запнулся, а кто-то в зале негромко засмеялся.

— Это формулировка закона.

— Я поняла. Продолжай.

Я всегда оставалась Вейрель. Он знал это; теперь я уже не была уверена, прочитал ли он сам речь, которую для него написали.

— Ваши вещи передадут вам. За вами также сохранится городской дом вашего отца.

— Дом моего отца? — переспросила я. — Вы и его обсуждали?

— Лиарна.

В его голосе появилась знакомая жёсткость. Раньше я бы услышала в ней просьбу остановиться. Сегодня всё, что я могла сберечь молчанием, уже было потеряно. Я медленно сняла перстень. Тот самый. Чёрный металл, узкий обод, крошечное драконье крыло с внутренней стороны. Эрвен надел его мне на палец двенадцать лет назад перед алтарём семи Домов. Я долго смотрела на перстень. Боль вернулась.

Но теперь она хотя бы имела форму. Маленький круг металла. Его можно было снять. Я поднялась ещё на ступень и протянула перстень.

— Возьми.

Эрвен посмотрел на мою руку.

— Оставь его себе.

— Зачем?

— Это твой свадебный перстень, Лиарна.

Я не опускала руки. Он скосил глаза на Селмару; она отвернулась.

— Возьми, — повторила я тише.

Эрвен забрал кольцо. Пальцы на миг коснулись моих. Когда-то мне хватало такого прикосновения, чтобы забыть, что я хотела сказать. Теперь между нашими ладонями остался холодный ободок металла. Он сжал перстень в кулаке.

— Ты получишь всё, что тебе положено. Об этом я позабочусь.

— Всё?

— Если ты всё же хочешь обсудить содержание...

— Я не о деньгах.

Я посмотрела ему в глаза.

— Ты возвращаешь мне прежнюю жизнь, Эрвен? Тогда верни то, с чем я пришла к тебе.

Впервые за всю церемонию он усмехнулся. Не зло. Снисходительно. Так улыбаются человеку, который в расстройстве говорит невозможное.

— И что же, по-твоему, я у тебя забрал?

Я не ответила сразу. Потому что список оказался слишком длинным. Двенадцать лет. Спокойствие. Право быть просто собой, а не продолжением его власти. Доверие.

Может быть, молодость, хотя это звучало бы несправедливо даже в моих собственных мыслях. Я сама выбрала этот брак. Сама осталась. Сама превращала его проблемы в свои. Но вслух я сказала только:

— Моё имя.

Он перестал улыбаться.

— Ты сама только что напомнила, что оставалась Вейрель.

— В записях. А здесь? Удавалось соглашение — благодарили тебя. Сходилась казна — хвалили Совет. Мирились Дома — снова мудрость императора. Ты предлагаешь оставить мне дом. Спасибо. А с тем, что я сделала за двенадцать лет, как быть?

— Чего ты от меня хочешь?

Я повернулась к залу.

— Чтобы мою работу наконец назвали моей.

Молчание стало другим. Не неловким. Внимательным. Эрвен смотрел на меня дольше, чем следовало. Я видела раздражение. И что-то ещё.

Возможно, впервые он пытался понять, о чём я говорю. Слишком поздно.

— Церемония расторжения должна быть завершена, — напомнил верховный законник.

Он вышел к подножию трона с узкой чёрной книгой. Эрвен отвёл взгляд.

— Завершайте.

Законник раскрыл книгу.

— Лиарна Вейрель, подтверждаете ли вы отсутствие требования сохранить брачный союз?

— Подтверждаю.

— Эрвен Доррейн, подтверждаете ли вы свою волю прекратить союз?

— Подтверждаю.

От этого спокойного слова внутри что-то окончательно оборвалось. Не разбилось. Именно оборвалось. Как нить, натянутая слишком долго. Законник повернулся к собранию.

— Перед Домами, престолом и Коронай свидетельствую: брачный союз...

Он не договорил. Раздался металлический звук. Тихий. Почти незаметный. Я сначала решила, что Эрвен уронил мой перстень. Потом кто-то вскрикнул.

Селмара отступила. Я подняла глаза. Одно из семи крыльев на короне Эрвена дрогнуло. Просто дрогнуло, словно его коснулся ветер. В Тронном зале не было ветра. Эрвен замер.

— Что...

Крыло наклонилось. На его поверхности вспыхнула тонкая серебристая линия. Один из хранителей церемонии выронил жезл. Металл ударился о камень, но никто даже не повернул головы. Все смотрели на корону.

— Государь, не двигайтесь, — прошептал верховный законник.

Эрвен медленно поднял руку. Не успел. Крыло отделилось. Без удара. Без треска. Оно просто покинуло корону, будто никогда не было частью единого целого.

В зале кто-то закричал. Драконьи главы одновременно поднялись с мест. Стража рванулась к ступеням. Металлическое Крыло зависло над головой Эрвена. Потом повернулось. Ко мне.

Я не успела отступить. Да и не уверена, что смогла бы. Оно полетело через зал медленно, почти торжественно. Я видела каждую прожилку на его тёмной поверхности, каждое отражение огня, каждую царапину, оставленную четырьмя веками. Люди расступались. Никто не решался прикоснуться. Крыло остановилось передо мной.

На расстоянии ладони. Я смотрела на него, совершенно не понимая, чего оно хочет.

— Лиарна, отойди от него! Не трогай!

Поздно. Металл сам опустился мне в ладонь. Я ожидала тяжести. Он оказался почти невесомым. По коже прошла тёплая волна. И в тот же миг весь Тронный зал содрогнулся.

На спинке престола вспыхнули линии. До этого я принимала их за старые трещины в камне. Они складывались в буквы. Древние. Я знала этот язык недостаточно хорошо, но первые слова смогла прочитать сама. «Первое право...»

За моей спиной кто-то произнёс вслух:

— Передано.

Гул голосов ударил по залу. Эрвен сорвал корону и уставился на просвет между шестью Крыльями.

— Законник! Что произошло?

Тот молчал.

— Вы слышали вопрос?

— Государь, я не знаю... В книге нет...

— Так найдите того, кто знает!

— Ваше величество...

Голос раздался из третьего ряда. Старческий. Хрипловатый. И такой испуганный, что зал снова начал затихать. Вперёд вышел придворный историк, мастер Элвейн Торр. Я знала его много лет. Он спорил с архивистами, забывал имена живых людей и мог часами рассказывать о происхождении какого-нибудь давно исчезнувшего герба.

Я никогда не видела, чтобы у него дрожали руки. Сейчас дрожали обе. Он смотрел не на Эрвена. На Крыло в моей ладони.

— Мастер Торр, вы можете это объяснить?

Историк поднял глаза.

— Государь, я видел этот знак. Только однажды...

Он остановился, с трудом переводя дыхание.

— В Первой летописи.

Эрвен спустился на ступень.

— Говорите. Что там было написано?

Торр посмотрел на надпись, всё ещё горевшую на спинке трона. Потом на меня. И наконец произнёс:

— Последний раз корона сама меняла хозяина четыреста лет назад.

Глава 2. Женщина, которой нельзя владеть

После слов мастера Торра Тронный зал словно перестал принадлежать Эрвену. Ещё несколько мгновений назад шесть сотен человек следили за тем, как император избавляется от жены и представляет женщину, которую собирается посадить рядом с собой через семь дней. Теперь никто не смотрел ни на Селмару, ни на оставшиеся на ступенях свадебные церемониальные знаки, ни даже на самого Эрвена. Все взгляды были обращены на мою ладонь, где лежало отделившееся от Короны Крыло.

Я всё ещё не понимала, почему оно выбрало меня. Но уже понимала другое. Эрвен испугался. За двенадцать лет я видела его разгневанным, уставшим, раздражённым, однажды — почти отчаявшимся, когда три великих Дома одновременно пригрозили выйти из торгового союза. Страх он умел скрывать лучше всего. Именно поэтому мне понадобилось несколько секунд, чтобы узнать его сейчас: слишком неподвижное лицо, слишком ровно расправленные плечи, слишком долгое молчание перед приказом.

— Закрывать двери.

Главный распорядитель замер.

— Государь?

— Я сказал закрыть двери.

Теперь голос Эрвена разнёсся под сводами без всякого усилия. Стражники у входов переглянулись и одновременно двинулись к тяжёлым створкам. По залу прокатился недовольный шум.

— Никто не покинет дворец до моего распоряжения, — продолжил Эрвен. — Всё произошедшее здесь касается безопасности императорского Дома. Любые разговоры за пределами этого помещения до решения Совета будут расцениваться как нарушение королевского порядка.

Я невольно посмотрела на шесть сотен свидетелей. Требовать молчания от шести сотен придворных было примерно то же самое, что приказать морю не шуметь. Даже Эрвен должен был это понимать. Значит, приказ был нужен не для того, чтобы действительно сохранить произошедшее в тайне. Он покупал время. Сколько именно — зависело от того, что он собирался сделать со мной и Крылом. Мастер Торр всё ещё стоял неподалёку. Страх на его лице сменился выражением человека, который внезапно понял, что сказал слишком много.

Эрвен тоже это заметил.

— Мастер Торр, ко мне.

Историк подчинился. Я сделала шаг следом, но передо мной встал начальник дворцовой стражи. Он не коснулся меня, только вытянул руку, перекрывая дорогу. Вчера я могла одним взглядом заставить его убрать эту руку. Сегодня всё изменилось.

— Я задержана?

Начальник стражи не убрал руки.

— Приказ государя, госпожа... ваше величество.

— Какой приказ? Не пускать меня к нему?

Он промолчал. Я посмотрела поверх его плеча.

— Эрвен, мы уже разведены или всё ещё нет?

Верховный законник всё ещё держал открытую книгу. Он выглядел так, будто предпочёл бы находиться сейчас где угодно, только не между нами.

— Формула не завершена, — сказал законник.

— Значит, завершите.

Он посмотрел на Крыло у меня в руке.

— В церемониальном праве нет указаний на случай... подобного обстоятельства.

— Хорошо. До завершения я остаюсь императрицей?

Законник повернулся к Эрвену. Тот резко кивнул:

— Отвечайте.

— Формально — да, ваше величество.

— Вы слышали? — спросила я начальника стражи.

— Отойдите.

Он сделал это сразу. Несколько человек в ближайших рядах едва заметно улыбнулись. Эрвен увидел.

— Лиарна, прекрати.

— Я хочу одного: закончить то, ради чего ты собрал этих людей.

— Это подождёт.

— Ты передумал разводиться?

Селмара едва заметно вздрогнула. Вопрос предназначался Эрвену, но я смотрела на неё. Её уверенность, ещё недавно казавшаяся непоколебимой, исчезала удивительно быстро. Селмара пришла сюда занимать освободившееся место. Вместо этого оказалась рядом с мужчиной, чья корона только что отдала одну из своих частей женщине, которую он собирался изгнать из дворца. Возможно, впервые за всё утро наши желания совпадали.

Ни одна из нас не хотела, чтобы расторжение брака зависло между состоявшимся решением и незавершённой формальностью. Эрвен тоже это понял.

— Завершайте, — приказал он законнику.

Тот провёл пальцем по строке, на которой остановился.

— Перед Домами, престолом и Коронай свидетельствую: брачный союз Эрвена Доррейна и Лиарны Вейрель прекращён волей обеих сторон с этого мгновения.

Книга закрылась. Вот теперь всё. Я ожидала, что почувствую хоть что-нибудь определённое: облегчение, боль, унижение, злость. Вместо этого внутри оставалась странная пустота, в которой пока ничего не успело обрести форму. Двенадцать лет закончились одной фразой. Но Крыло в моей ладони осталось. Эрвен спустился со ступеней.

— Пойдём. Нам нужно поговорить.

— Ты ещё что-то не сказал?

— Здесь я обсуждать это не буду.

Я посмотрела на его пустую руку, потом — на Крыло в своей.

— Теперь ты нашёл для меня время.

— Лиарна. Идём.

Я посмотрела на начальника стражи, затем на закрытые двери. Формально я больше не имела власти над людьми, стоявшими вокруг. А Эрвен имел. Спорить только ради того, чтобы показать независимость, было бы детством.

— Хорошо.

Я пошла первой. За спиной тут же ожили голоса. Эрвен обернулся, и шум стих.

— Никто не покидает зал.

— Государь, — раздался голос главы Дома Кайр, — среди присутствующих есть послы и главы провинций. Вы не можете удерживать их здесь без объяснения.

Эрвен остановился. Глава Кайр поднялся со своего места. На рассвете его представитель поставил печать под соглашением, которое мы обсуждали несколько ночей подряд. Теперь сам глава смотрел не на императора, а на меня. Точнее, на Крыло.

— Объяснение будет дано Совету Домов, — отрезал Эрвен. — До этого момента произошедшее не должно выйти за стены дворца.

— Шесть сотен человек уже видели произошедшее.

— Тогда шесть сотен человек сохраняют молчание.

Я знала этот тон. Эрвен использовал его, когда хотел превратить спор в приказ. Обычно получалось. Сегодня глава Кайр не сел.

— Разумеется, государь.

Но по его лицу я поняла: он не обещал ничего. Мы вышли через боковую дверь. Я успела заметить, что Селмара двинулась за нами, однако Эрвен остановил её одним взглядом.

— Позже.

Она замерла. Мне неожиданно стало её почти жаль. Почти. Коридор за Тронным залом был пуст. Стража закрыла двери, и гул сотен голосов превратился в далёкий приглушённый рокот. Эрвен шёл быстро. Я следовала рядом, не спрашивая, куда именно он меня ведёт. Мы прошли галерею предков, поднялись по короткой лестнице и оказались в его рабочем кабинете. Когда-то я входила сюда без стука.

В последние два года — всё реже. Сегодня Эрвен собственноручно закрыл дверь.

— Покажи Крыло.

Я не двинулась.

— Оно у тебя на глазах перелетело ко мне.

— Я видел. Дай осмотреть его вблизи.

Эрвен смотрел на мою сжатую руку. Я разжала пальцы. Крыло лежало на ладони так спокойно, будто находилось там всегда. Вблизи оно выглядело ещё необычнее. Тёмный металл не был ни чёрным, ни серебряным; оттенок менялся, стоило повернуть руку. По поверхности расходились тонкие линии, похожие одновременно на прожилки настоящего крыла и на письмена, которые я не умела читать. Эрвен протянул руку. Я не отёрнулась.

Он коснулся самого края. Крыло осталось неподвижным. Эрвен нахмурился и попытался взять его двумя пальцами. Металл не поддался. Не прилип к моей коже, не вспыхнул, не сделал ничего, что можно было бы назвать чудом. Просто в тот момент, когда Эрвен потянул его к себе, я почувствовала сопротивление, словно между Крылом и моей ладонью возникла невидимая связь. Он усилил хватку.

— Отпусти, — процедил он.

— Рука открыта. Посмотри.

Он сильнее потянул край Крыла.

— Эрвен, я его не держу.

Он наконец посмотрел на мои пальцы и разжал свои. Несколько секунд мы молча смотрели на металл.

— Позови Торра. Он видел описание в Первой летописи.

— Не сейчас.

— Когда? Мы оба стоим здесь и ничего не понимаем.

— Мне нужен человек, который умеет молчать.

— Тогда Торр не подойдёт, — вырвалось у меня.

Когда-то мы вместе посмеялись бы над болтливостью историка. Эрвен только нахмурился.

— Ты хоть понимаешь, что произошло? Моя корона потеряла Крыло на глазах у всех Домов.

— Не потеряла, — сказала я, поднимая ладонь. — Оно здесь. У меня.

— Я вижу.

— А говоришь так, словно его нужно поискать под ступенями.

Он отошёл к столу, опёрся ладонями о край и несколько мгновений смотрел на разложенные документы. Я знала этот жест. Так он делал, когда хотел успокоиться. Когда-то я подходила сзади и клала ладони ему на плечи. Сегодня между нами стоял целый стол. И двенадцать лет.

— Летопись принесут сюда. Торр займётся ею под надзором, — сказал он наконец. — Ты пока останешься во дворце.

Я уставилась на него.

— Ты велел мне уйти до захода солнца. Полчаса назад.

— Теперь обстоятельства другие.

— Брак расторгнут. Ты это отменишь тоже?

— Я сказал: пока мы не разберёмся.

— С чем, Эрвен?

Он обернулся от стола.

— Отдашь Крыло — уйдёшь.

Вот оно. Я смотрела на человека, с которым прожила двенадцать лет, и вдруг ясно увидела простую вещь: Эрвен действительно считал, что вопрос заключается только в цене. Я перевела взгляд на Крыло.

— Ты не смог его взять. Как я отдам?

— Добровольно. Попробуй отказаться.

— А если не хочу?

— Лиарна, подумай спокойно.

Он уже говорил мягче, словно я наконец приблизилась к решению, которое он приготовил за нас обоих.

— Ты не знаешь, во что ввязываешься. Тебе эта борьба не нужна.

— Объясни, какая именно.

— Та, которая начнётся, если хотя бы половина сказанного Торром имеет смысл. Семь Домов не станут спокойно смотреть на то, как часть императорской Короны находится у бывшей супруги правителя. Одни решат использовать тебя против меня. Другие потребуют вернуть Крыло. Третьи вспомнят старые права, которые считались мёртвыми несколько столетий. Тебя втянут в то, к чему ты не готова.

— А ты к ней готов?

— Я император.

— Корона, кажется, сомневается.

Он замолчал. Я попала больнее, чем собиралась, и не смогла порадоваться этому.

— Я не знаю, что произошло, — сказала я. — Ты тоже. Не говори, будто уже знаешь, как мне будет лучше.

— Двенадцать лет я об этом заботился.

Я подняла глаза.

— Я помню. Сегодня особенно хорошо.

Он медленно втянул воздух.

— Хорошо. Чего ты хочешь за Крыло?

Я смотрела на него, пытаясь понять, ослышалась ли.

— Купить его хочешь?

— Назови цену.

Он вернулся к столу и выдвинул ящик.

— Ты отказалась от содержания. Я принял это. Но могу передать тебе земли, которые не связаны с титулом. Поместья в южной части страны. Доход с двух портов. Дом в верхнем городе. Драгоценности из личной казны Доррейнов останутся твоими. Если хочешь покинуть столицу, получишь резиденцию в любой провинции.

Я молчала. Он продолжил, решив, что я считаю.

— Сумму назови, Лиарна.

У меня вырвался короткий смешок. Эрвен перестал перебирать бумаги.

— Что?

— Ты всерьёз считаешь, что предложил мало?

Он молчал.

— Убрал моё кресло, развёлся при дворе, назначил содержание... А теперь у меня оказалось кое-что нужное тебе. И можно добавить?

— Я пытаюсь договориться.

— Ты торгуешься со мной.

— Так решают политические вопросы.

— Я двенадцать лет разбиралась с тем, что ты решал таким образом.

Он шагнул ко мне.

— Не преувеличивай, Лиарна.

Я посмотрела на него. Кажется, он уже пожалел, что сказал это, но поправляться не собирался.

— Скоро сам увидишь, что именно я делала.

— Ты угрожаешь?

— Нет. Меня просто больше не будет за соседней дверью.

Эрвен сжал челюсть. Я закрыла пальцы вокруг Крыла.

— Я ухожу.

— Я не разрешал.

— Ты больше не мой муж.

— Зато я государь. У тебя часть государственной регалии.

— Тогда прикажи задержать меня. Официально. И объясни людям в зале, почему не выпускаешь женщину, которую сам только что выставил из дворца.

Он замер. Я знала Эрвена достаточно хорошо, чтобы понять: именно этого он и хотел избежать. Не моего сопротивления. Картинки, которая появится в головах людей. Изгнанная жена, которую победивший супруг вынужден удерживать под стражей после непонятного выбора древней Короны. Иногда власть зависела не от того, что ты мог сделать, а от того, как это выглядело.

Двенадцать лет я объясняла ему эту разницу. Теперь воспользовалась ею сама.

— До захода солнца, — сказала я, — как ты и приказал.

Он долго смотрел на меня.

— Не превращай это в борьбу. Пожалеешь.

— Я ничего не начинала, Эрвен. Даже Крыло не просила.

Он произнёс моё имя, но я уже взялась за ручку.

— Когда будешь считать, сколько мне предложить, включи двенадцать лет моей работы. Хотелось бы увидеть расчёт.

Я вышла раньше, чем он успел ответить. Мои комнаты уже перестали быть моими. Я поняла это ещё в коридоре. Два незнакомых служителя стояли возле двери, а внутри женщины из дворцового хозяйства складывали вещи в дорожные сундуки. Работали быстро и деловито, словно прежняя императрица была всего лишь очередной гостьей, задержавшейся после праздника. Я остановилась на пороге. Комната, в которой прожила двенадцать лет, выглядела почти пустой.

Исчезли документы со стола. Сняли герб над камином. Унесли церемониальные украшения. Даже кресло у окна, выбранное мной ещё в первый год брака, оказалось помечено лентой императорского имущества. За полтора часа дворец сумел стереть меня гораздо успешнее, чем Эрвен за всю утреннюю речь.

— Госпожа Вейрель.

Старшая служительница склонила голову. Не «ваше величество». Я знала, что это должно было случиться. Всё равно потребовалась секунда, чтобы привыкнуть.

— Всё моё собрали?

— Почти, госпожа. Канцелярия велела сначала разделить имущество Доррейнов.

— Конечно. Проверьте как следует.

Я прошла к сундукам. Их было четыре. Смешно мало для двенадцати лет. Одежда, несколько книг, шкатулка с украшениями, принадлежавшими моей матери, письма от отца, два портрета, дорожный плащ и старый деревянный сундук, который я не открывала, наверное, лет десять. На его крышке ещё оставался выцветший серо-синий знак Вейрелей. Я провела пальцами по потемневшему дереву.

— Этот сундук тоже погрузите.

— Он тяжёлый, госпожа. Мы заглянули — там одни старые бумаги...

— Они мне нужны.

Служительница кивнула.

— Куда везти?

Я назвала адрес. Она переспросила:

— В Нижний Арден?

— Туда.

— Но там ведь...

— Что?

Женщина опустила глаза.

— Ничего. Я распоряжусь.

Нижний Арден не был местом, где ожидали увидеть бывшую императрицу. Четверть лежала к востоку от старой городской стены, там, где улицы становились уже, дома ниже, а камень на фасадах давно потерял первоначальный цвет. Мой отец владел там небольшим двором, оставшимся Вейрелям от времён, когда наш род ещё мог позволить себе несколько столичных владений. Эрвен увидел его только однажды. Мы проезжали мимо в первый год брака, и он спросил, почему я не продала эту развалину. Я ответила, что отец не продавал.

На этом разговор закончился. За двенадцать лет Эрвен больше о доме не вспоминал. Сегодня именно поэтому он у меня остался.

— Насчёт свиты канцелярия ещё не ответила, — сказала служительница.

— Не ждите ответа. Свита мне не нужна.

— Госпожа, вы же не можете одна...

— Могу. Я больше не императрица.

Произнеся это, я вдруг поняла, что могу ещё многое. Мне больше не нужно было согласовывать маршрут. Не нужно сообщать, во сколько я вернусь. Не нужно брать охрану на прогулку. Не нужно думать, какой Дом оскорбится, если рядом со мной окажутся представители другого. Свобода неожиданно пахла пылью старого сундука и приближающимся дождём из открытого окна.

Не самым торжественным образом. Зато честным. До захода солнца оставалось меньше двух часов, когда наёмная повозка выехала из ворот дворца. Я сидела внутри одна. Никаких гербов. Никаких знамен.

Никаких всадников впереди и сзади. Вещи ехали в другой повозке. Стража у ворот посмотрела на меня так, словно не понимала, следует ли склонить голову. Я избавила их от решения и просто кивнула первой. Ворота закрылись за спиной. Я не обернулась. По крайней мере, первые двадцать шагов.

Потом всё-таки посмотрела. Дворец возвышался над городом на базальтовом холме, огромный, чёрный, узнаваемый из любой части столицы. В верхних окнах отражалось вечернее солнце. Где-то там находился Эрвен. Где-то там Селмара, вероятно, пыталась понять, состоится ли её коронация через семь дней. Где-то там мастер Торр листал Первую летопись под надзором людей, которые проследят, чтобы ни одна лишняя строка не вышла наружу. Я опустила взгляд на свёрток у себя на коленях.

Крыло я завернула в обычную ткань. Это казалось нелепым. Часть древней императорской Короны лежала у меня на коленях, как вещь, купленная на рынке. Я не знала, что с ней делать. Не знала, почему она выбрала меня. Не знала, что теперь попытается сделать Эрвен.

Впервые за много лет я не знала даже, чем займусь завтра утром. Эта мысль должна была напугать. Вместо этого я почувствовала, как напряжение постепенно отпускает плечи. До тех пор, пока повозка не свернула на торговую улицу. Там меня узнали. Сначала продавец у лавки.

Потом женщина с корзиной. Потом двое молодых мастеровых. Я увидела, как люди поворачивают головы, как кто-то шепчет соседу, как вслед за нами начинают смотреть из окон. Слух уже вышел из дворца. Эрвен проиграл свою первую битву ещё до того, как я успела добраться домой. В Нижнем Ардене никто не ждал бывшую императрицу.

Поэтому ворота моего двора оказались заперты. Я стояла под начинающимся дождём, пока возница пытался провернуть старый ключ, найденный среди вещей отца. Через несколько минут мужчина отступил, вытер лоб и с сомнением посмотрел на створки.

— Может, плечом?

— Попробуйте.

Вдвоём с помощником они навалились на ворота. Дерево жалобно заскрипело, замок поддался, и одна створка открылась настолько резко, что помощник едва удержался на ногах. За воротами находился двор, который невозможно было спутать с императорской резиденцией.

Каменные плиты заросли между швами травой, водосточная цепь оборвалась, а одна из ставен на втором этаже висела неровно. Небольшой дом стоял в глубине, за старой грушей, пережившей, судя по толщине ствола, нескольких моих предков. Я смотрела на всё это и почему-то впервые за день улыбнулась.

— Здесь точно живут? — спросил возница.

— С сегодняшнего дня.

Он бросил на меня быстрый взгляд, но ничего не сказал. За следующие полчаса сундуки перенесли внутрь. Я расплатилась, закрыла ворота и осталась одна. Тишина оказалась непривычной. Во дворце тишины не существовало. Даже ночью где-то менялась стража, шли слуги, открывались двери, доносились шаги по галереям. Здесь я слышала только дождь, ударявший по крыше. Дом пах закрытыми комнатами и старым деревом.

На первом этаже находились небольшая гостиная, столовая и кабинет отца. Наверху — три спальни. Мебель была укрыта тканью, но почти всё сохранилось. Я зажгла светильники, открыла окна там, где позволял дождь, и внезапно поняла, что понятия не имею, где буду спать. Бывшая императрица. Хозяйка четырёх сундуков. Обладательница одного Крыла древней Короны. Женщина, которая не знает, в какой комнате её собственный матрас меньше пахнет сыростью.

Я всё-таки рассмеялась. На этот раз по-настоящему. Смех прозвучал в пустом доме странно, но мне стало легче. Я выбрала комнату, выходящую окнами во двор. Потом спустилась и принялась разбирать вещи, потому что сидеть без дела оказалось невыносимо. Старый сундук матери стоял у стены кабинета. Я отложила его на потом.

Через час вернулась. Не знаю почему. Наверное, потому, что всё остальное уже принадлежало той жизни, которую я знала: платья, украшения, книги, письма. А этот сундук я почти забыла. Замок открылся с трудом. Внутри действительно лежали бумаги.

Счета двадцатилетней давности, записи отца, несколько старых карт, письма людей, имён которых я не помнила. Я перебирала их без особого интереса, пока не заметила, что глубина сундука не соответствует высоте наружных стенок. Я остановилась. Вынула бумаги. Постучала по дну. Звук оказался глухим. Я нашла тонкую щель у задней стенки и поддела деревянную пластину ножом для писем.

Под ней оказался второй слой. Там лежали семь узких папок, перевязанных выцветшими серыми лентами. На верхней рукой моей матери было написано: «Копии из старого архива Вейрелей. Не уничтожать даже по требованию Короны». Я перечитала строку. Потом ещё раз.

Мать умерла за три года до моей свадьбы. Она не любила говорить о прошлом рода, считая, что людям полезнее знать, что они способны сделать сейчас. Из семейной истории я помнила только обрывки: когда-то Вейрели служили при дворе хранителями соглашений, потом потеряли влияние, земли и почти всё состояние. Я никогда не спрашивала подробностей. Теперь пожалела. В первой папке находились копии старых договоров. Во второй — записи заседаний, датированных четырьмя столетиями назад.

В третьей я увидела рисунок Короны Семи Крыльев. У меня похолодели пальцы. Я положила рядом металлическое Крыло и придвинула светильник. Рисунок был грубым, сделанным чернилами, но ошибиться невозможно. Семь изогнутых пластин. Те же прожилки.

Под изображением шёл текст на старом наречии. Часть я понимала. Часть пришлось восстанавливать по знакомым словам. «Корона не даёт крови». Я нахмурилась. Прочитала дальше. «Корона свидетельствует исполнение обязанностей». Сердце забило быстрее.

Я перевернула страницу. Следующий лист оказался поздней копией, сделанной уже на современном мне языке. Почерк матери. «Семь Крыльев являются не украшением власти, а её свидетелями. Каждое Крыло отвечает за отдельную обязанность правителя. Наследник получает право носить Корону, но не право владеть ею безусловно». Я перестала слышать дождь. Перевернула ещё страницу.

«При утрате доверия Крылья могут покинуть носителя». Мне пришлось откинуться на спинку стула. В голове возникло лицо Эрвена. Его слова. «Моя корона потеряла Крыло». Нет.

Она не потеряла. Она отозвала. Я заставила себя читать дальше. Записи были неполными. Некоторые страницы потемнели от времени, другие явно отсутствовали. В нескольких местах текст обрывался посреди предложения. Однако смысл становился всё яснее. Первый император Доррейнов не получил Корону в наследство. Семь земель признали его после объединения страны и создали систему, которая должна была не позволить одному роду превратить власть в собственность.

Каждое Крыло соответствовало обязанности государя. Не привилегии. Не способности. Именно обязанности. Первое описание сохранилось почти полностью. «Первое Крыло свидетельствует того, кто несёт службу прежде почести и принимает ответственность прежде награды».

Я долго смотрела на эту строчку. Двенадцать лет. Прощения. Соглашения. Бесконечные заседания. Счета, которые никто не хотел проверять.

Споры Домов, в которых каждый требовал уступить именно ему. Неужели... Я оборвала мысль. Слишком удобно было бы решить, что древняя Корона просто наградила меня за хорошее поведение. В документах речь шла не о награде. Крыло свидетельствовало об обязанности.

Но почему сейчас? Почему именно во время расторжения брака? Ответа не было. Я перешла к следующему листу. Второе Крыло описывалось хуже. Сохранились отдельные фразы: «...между землями...»

«...не допустить, чтобы выгода одного Дома стала причиной разорения другого...» «...мир, достигнутый не страхом...» Третья обязанность была почти полностью утрачена. Четвёртая начиналась словом «суд». Пятая касалась данного слова. Шестая — чего-то, что мать обозначила в примечании как «служение целому вместо рода».

Седьмая папка оказалась пустой. Я проверила её дважды. Только на внутренней стороне обложки сохранилась короткая запись: «О Седьмом Крыле не писать. Его правило хранится иначе». В дверь постучали. Я едва не уронила папку.

Стучали не громко, но уверенно. Я посмотрела на окна. За ними уже стемнело. Никто не должен был знать, что я здесь. Потом вспомнила десятки людей, видевших мою повозку по дороге. Конечно, знали.

Я завернула Крыло в ткань, убрала документы обратно в сундук и закрыла кабинет. Стук повторился.

— Кто там?

— Вы позволите представиться под крышей?

Незнакомый мужской голос. Я крепче взялась за засов.

— Сначала представьтесь.

— Тайрен Кельвар. Мне нужна Лиарна Вейрель.

Имя я знала. Не человека. Тайрен Кельвар принадлежал к старой драконьей ветви, которая почти не появлялась при дворе. Последние годы он командовал крепостями далеко на северо-востоке. В Совете его имя возникало редко и обычно сопровождалось недовольством Эрвена. Однажды я спросила мужа, почему Кельвар так долго не возвращается в столицу. Эрвен ответил: «Потому что там он полезнее».

Тогда я не задумалась. Теперь задумалась. Я открыла маленькое окно возле двери. Мужчина стоял под дождём без свиты. Высокий, в тёмном дорожном плаще, мокрые волосы казались почти чёрными, хотя при свете уличного фонаря в них проступал холодный серо-каштановый оттенок. Лицо было незнакомым: резкие скулы, прямой нос, тёмные брови и глаза странного серого цвета, в котором иногда появлялся янтарный отблеск. Дракон.

Я уже умела замечать это даже без золотых глаз Эрвена.

— На праздник вы опоздали, господин Кельвар.

— Я к вам.

— Зачем?

Он чуть наклонился к окошку.

— Долго мне объяснять через эту щель?

— Пока не убедите открыть.

— У вас Первое Крыло.

Я вцепилась в край рамы.

— Кто вам сказал?

— Никто. Я Хранитель Седьмого.

Дождь продолжал стучать по камням. Я молчала. Тайрен тоже не торопил.

— При дворе нет такого титула.

— При дворе Эрвена. Верно.

— Это должно меня убедить?

— Пока нет. Но дождь усиливается, а объяснений у меня много.

Следовало отправить его прочь. Я знала о нём слишком мало. Но на внутренней стороне седьмой папки было написано: «Его правило хранится иначе». А перед воротами стоял человек, называвший себя Хранителем Седьмого Крыла. Я открыла. Тайрен вошёл, оглядел двор и снял капюшон.

— Давно здесь никто не жил, — заметил он.

— Я въехала сегодня. Простите, к вашему приходу не приготовилась.

Тайрен склонил голову. Ни глубокого поклона, ни жалости во взгляде. За одно это уже хотелось сказать ему спасибо.

— Если вы за Крылом, оставайтесь во дворе, — предупредила я.

— Оно выбрало вас. Забрать его я не могу.

После разговора с Эрвеном такой ответ был почти облегчением.

— Проходите.

Он вошёл следом. В гостиной я указала ему на кресло, но сама осталась стоять.

— Я слушаю.

Тайрен посмотрел на меня.

— Сколько Эрвен предложил?

— С чего вы решили, что предложил?

— А разве нет?

— Земли. Доходы с портов. Дом. Деньги... Сумму велел назвать самой.

— И подальше от столицы, полагаю.

— Это тоже.

— Следующим условием была бы охрана. С людьми, которые обо всём докладывают ему.

— Вы давно его не видели, а говорите уверенно.

— Поэтому и не видел.

Тайрен снял перчатки и положил на стол. На правой ладони у него был тонкий тёмный знак, напоминавший изгиб крыла. Я подошла ближе.

— Что с вашей рукой?

— Знак изменился сегодня. Около полудня.

В это время Крыло покинуло корону Эрвена.

— И вы отправились сюда?

— Уже подъезжал к столице. Оставалось часа два.

— Вот так совпало?

— Я ехал из-за новой коронации.

— Селмары?

— При новой императрице вступают в силу старые обязательства Короны.

— Какие?

— Вам пока не стоит...

— Дверь за вашей спиной.

Он перевёл взгляд на дверь и снова на меня.

— Вы меня выгоняете?

— Вы сами пришли. Я вас выслушала. А теперь вы решаете, что мне можно знать о моей жизни.

Тайрен провёл большим пальцем по знаку на ладони.

— Плохо начал. Признаю.

Я ждала.

— Седьмое Крыло связано с Короной иначе, чем остальные шесть.

— Что это значит?

— Полностью объяснить я не могу. Меня связывает обязанность Хранителя.

— Ещё одна причина держать меня в неведении.

— Если бы хотел только этого, придумал бы ответ, которому вы поверите.

Я замолчала. Тайрен продолжил:

— Я могу сказать другое. То, что случилось сегодня, не ошибка и не случайность. Крыло не отделяется от действующего государя из-за семейной ссоры, измены, развода или публичного унижения. Если Первое Крыло перешло к вам, значит, оно признало в вас исполнение того, что Эрвен перестал исполнять.

Я вспомнила запись матери.

— Службу прежде почести.

Тайрен впервые изменился в лице. Совсем немного, но я заметила.

— Откуда у вас эти слова?

— Сначала скажите: верные?

— Да.

— Значит, хоть что-то у меня есть.

Он посмотрел на дверь кабинета.

— Записи сохранились у вас... Вейрели. Надо было сразу подумать.

— О чём?

— Часть свидетельств ещё до Доррейнов хранили вне двора. У тех, кто записывал соглашения между землями.

Я вспомнила слова матери. Старый архив Вейрелей.

— Мои предки знали о Крыльях?

— Знали. Как и многие другие Дома.

— И все забыли?

— Им помогли. Удобнее править, когда никто не помнит, чего ты не вправе делать.

— Эрвен уничтожил записи?

— Нет, — сразу ответил Тайрен. — Это началось задолго до него. Убирали понемногу: сокращали клятву, закрывали архивы. Потом историки объявили часть документов сомнительными. Через двести лет никто уже не удивлялся, что Корона — наследственная реликвия Доррейнов.

— А вы всё это время знали правду?

— Не всю.

— Но достаточно.

— Достаточно, чтобы Эрвен предпочитал держать меня подальше от столицы.

Я вспомнила его фразу. «Там он полезнее».

— Он знает, что вы Хранитель?

— Знает о моём положении. Не знает всего, что оно означает.

— Значит, вы пришли из-за Первого Крыла. А если за ним уйдут остальные?

Тайрен внимательно посмотрел на меня, прежде чем ответить:

— Когда все семь признают одного человека, происхождение больше не даёт права на престол.

Я слышала, как вода капает с его плаща на пол.

— Вы сейчас говорите, что я могу стать императрицей?

— Вы ею были.

— Вы поняли меня. Править самой.

— Если соберёте все Крылья.

Я медленно села напротив. Смешно. Несколько часов назад я пыталась понять, где буду ночевать. Теперь незнакомый дракон рассказывал, что древняя Корона способна отнять у Эрвена престол и передать его мне.

— Мне не нужен трон.

— Тогда попробуйте вернуть Крыло и уехать.

— Эрвен пытался взять. Не смог.

— Возможно, при добровольном отказе получится.

— Возможно?

Тайрен пожал плечом.

— Я не знаю. Придётся проверить.

— На единственном свидетельстве того, что со мной произошло?

— Моё любопытство переживёт отказ.

Я чуть не улыбнулась. Неприятный человек. И даже не старается понравиться.

— Допустим, я не отдам его. Что тогда?

— Тогда приготовьтесь.

— К чему?

— Завтра половина столицы будет считать вас законной наследницей древней власти. Вторая половина — угрозой государству. Третья...

— У столицы нет третьей половины.

— К вечеру появится.

Я всё-таки улыбнулась. Ненадолго.

— Что вы предлагаете мне делать?

— Пока ничего.

— Ничего? Вы пришли ночью, рассказали, что я могу лишиться Эрвена престола... Зачем?

— Хотел увидеть вас.

— Увидели. Что дальше?

Он помедлил.

— Пытаюсь понять, почему Крыло выбрало вас. Вы двенадцать лет делали его работу. Неужели только сегодня заметили, что благодарить вас никто не собирается?

Я встала. Стул задел край стола.

— На сегодня достаточно.

Тайрен поднялся вслед за мной и взял перчатки.

— Ещё одно. Сегодня вы уехали без охраны.

— И об этом уже знаете?

— За вашей повозкой шли от дворцовых ворот. Двоих я узнал — люди Эрвена. Остальных нет.

Я подошла ближе.

— Вы всё это время сидели здесь и молчали?

— Вы не спрашивали.

— А должна была? После приветствия? До предложения войти?

Тайрен отвёл взгляд к окну.

— Если бы я сказал сразу, что бы вы сделали?

Я начала отвечать и осеклась. Вызвала бы стражу? По привычке позвала человека, который прислал за мной слежку?

— Не знаю, — выговорила я.

— Вот с этим и нужно разобраться.

Он натянул перчатку на руку со знаком.

— Если захотите корону, придётся действовать и без защитника.

— Я сказала, что она мне не нужна.

— Я слышал.

— И вы сейчас уйдёте? Зная, что за домом следят?

Он посмотрел на дверь.

— Если останусь, завтра заговорят о союзе с Кельварами. Вместо охраны получите войну Домов. Вы даже правил ещё не знаете.

Он подошёл к двери.

— Закройте ворота. Посторонних не пускайте. А до утра подумайте: вы хотите вернуть Эрвену спокойствие или выяснить, что произошло с Короной?

— Вы ещё придёте?

Он обернулся.

— Если к вам перейдёт Второе Крыло.

И ушёл. Я закрыла за ним дверь. Потом ещё несколько минут стояла в тишине и смотрела на дерево, за которым исчез самый неприятный человек этого дня. После Эрвена. Пока после Эрвена. Я почти не спала.

Не из-за страха. Из-за бумаг. К рассвету на столе лежали разложенные записи матери, собственные заметки и Крыло, которое я перестала заворачивать в ткань после того, как в третий раз достала его для сравнения с рисунками. Самым неприятным оказалось не то, что

старые документы противоречили официальной истории. Самым неприятным было другое. Они объясняли слишком многое.

В одном из протоколов четырёхсотлетней давности говорилось, что Крылья «следуют за исполнением обязанности, а не за именем носителя». В другом прямо запрещалось уничтожать сведения об их назначении. Третья запись содержала спор представителей Домов о том, может ли Крыло перейти к человеку, не принадлежащему к драконьему роду. Ответ был коротким: «Может». Я перечитала несколько раз. Значит, дело было не в том, что я жена Эрвена. И не в том, что я когда-то носила титул.

Корона не выбирала женщину, обиженную мужем. Она выбирала поступки. От этого становилось страшнее. Потому что поступок можно повторить. Около восьми утра в ворота начали стучать. Сначала я решила не открывать.

Потом услышала голос:

— Госпожа Вейрель! От Дома Кайр!

Я убрала документы и вышла во двор. У ворот стоял молодой мужчина в дорожной одежде. Я узнала его: помощник представителя, с которым вчера ночью мы согласовывали последние строки торгового соглашения. Он выглядел так, будто бежал половину дороги.

— Что случилось?

— Западная таможня не признаёт договор. Час назад прислали приказ: всё, что вы утвердили до развода, отправляют на пересмотр.

У меня сжался живот.

— Караваны где?

— У Старых ворот. Наши требуют прохода, западные вызвали стражу.

— Сколько народу?

— Наших около восьмидесяти. У них — сотня, я сам видел.

Я закрыла глаза на секунду. Вот оно. Первое последствие. Дом Кайр согласился на новый договор только после того, как мы изменили размер пошлины и гарантировали проход нескольких крупных караванов. Западные наместники сопротивлялись именно потому, что считали уступки северянам слишком большими. Я нашла компромисс. Эрвен только что его отменил.

И сделал это не потому, что соглашение было плохим. Потому что на нём стояла моя подпись.

— Глава делегации там?

— Да. Он меня и прислал.

— Почему ко мне? Договор заключали от имени Короны.

Молодой человек потёр ладони.

— Он сказал: «Я с госпожой Вейрель договаривался». А Корона теперь вашу подпись не признаёт.

В его голосе не было упрёка. Я всё равно не сразу смогла ответить. Я вернулась в дом, схватила плащ и остановилась. Тайрен предупреждал, что за мной следят. Если я пойду к воротам, Эрвен узнает. Если не пойду, к полудню люди, ещё вчера сидевшие за одним столом, могут начать выяснять законность соглашения совсем другими средствами. Я посмотрела на Крыло.

«Служба прежде почести».

— Подождите, — сказала я посланнику.

Вернулась в кабинет и достала свою копию соглашения. Не официальную. Черновую. На полях стояли мои пометки, варианты расчётов и одна фраза, которую я написала вчера около полуночи: «Если западные откажутся — предложить временное разделение сбора через нейтральный городской счёт». Тогда предложение не понадобилось.

Теперь могло. Я сунула бумаги в сумку.

— Идём.

Посланник оглянулся на пустой двор.

— А охрана?

— У меня её нет.

Он нерешительно посмотрел на улицу.

— Я знаю, что опасно, — сказала я. — Вы ведь за мной пришли. Ведите.

До Старых ворот мы добрались за двадцать минут. Последний квартал пришлось идти пешком. Улица была перекрыта. С одной стороны стояли северяне Кайра в серо-синих дорожных плащах, с другой — люди западной таможенной палаты. Между ними находились городские стражники, которым явно не нравилось положение живой стены. Обозы растянулись вдоль улицы. Вокруг уже собралась толпа.

Мне потребовалось всего несколько секунд, чтобы понять: времени почти нет. Глава северной делегации, лорд Эймар Кайр, спорил с западным наместником Реваном Тарром. Я знала обоих. С обоими вчера разговаривала отдельно. Оба считали себя совершенно правыми. Самая опасная разновидность спора. Эймар первым заметил меня.

— Госпожа Вейрель.

Головы повернулись. Шёпот прошёл по толпе. Я подошла.

— Дайте посмотреть приказ.

Реван Тарр поджал губы.

— Госпожа Вейрель, при всём уважении, вы уже не представляете дворец.

— Поэтому я прошу, Реван. Дайте мне прочесть.

Эймар протянул бумагу.

— Пришёл ночью. Соглашение приостановлено.

Я прочитала. Подпись главы канцелярии. Печать императора. Эрвен действовал быстро.

— Приостановлен до повторного рассмотрения, — заметила я.

— Наши караваны должны пройти сегодня.

— Знаю.

— Мы согласились на дополнительные поставки в Лейрскую долину именно в обмен на снижение западного сбора. Если нас возвращают к прежним ставкам, соглашение не существует.

Реван вмешался:

— Западу этот договор с самого начала был невыгоден.

— Вы подписали его вчера.

— Дворец настоял.

— А я трижды меняла условия по вашей просьбе. Вы помните, какие?

Он отвёл глаза.

— Теперь обстоятельства изменились.

От этой фразы у меня свело зубы.

— Тогда обсудим, что именно.

— Прямо здесь?

Я посмотрела на людей у ворот.

— Вы уже собрали почти двести вооружённых человек. Уйдём — за нас обсудят они.

Эймар хмуро посмотрел на западную сторону.

— Обсуждать нечего. Нас пропускают по подписанным условиям или мы разворачиваемся.

— А поставки в Лейрскую долину? Они не успеют.

— Пусть Корона и разбирается.

— Эрвен без обеда не останется, Эймар. А в долине ждут ваши обозы.

Он стиснул скрещённые на груди руки, но промолчал.

— Реван, если северяне развернут обозы, сколько вы получите пошлины?

— Нисколько.

— Если пропустите их по старой ставке?

— Больше, чем предложено вашим соглашением.

— И они не поедут.

Он тоже замолчал.

— Вы можете отстоять каждый свою правоту, — сказала я. — И остаться без того, ради чего сюда пришли.

— То есть нам подчиниться приказу Эрвена? — спросил Эймар.

— Вам нужно провести обозы. Ревану — получить сбор. Давайте с этого и начнём.

Несколько северян усмехнулись.

— Вы бы осторожнее, госпожа, — заметил Реван.

— Я долго была осторожной. Теперь давайте по делу.

Он кивнул на бумаги в моей руке.

— Что там у вас?

Я достала черновик.

— Временный проход.

— На каких условиях?

— В течение десяти дней западная сторона не взимает спорную часть пошлины напрямую. Эта сумма перечисляется на нейтральный городской счёт и остаётся там до решения Совета. Если соглашение подтверждают, деньги возвращаются северянам. Если отменяют — запад получает их полностью.

Эймар нахмурился.

— Деньги зависнут, — сказал Эймар.

— Зато обозы уйдут сегодня.

Реван покачал головой.

— Я не вправе открывать такой счёт.

— Городская палата вправе. Девятая глава устава.

Я вынула второй лист.

— При споре двух провинциальных управлений она удерживает спорный сбор до решения Совета. Прочтите.

Реван всмотрелся в строки.

— Откуда у вас...

— Три месяца назад вы применили эту норму к южным купцам. Я запомнила.

В толпе кто-то засмеялся. Реван покраснел.

— Там были другие обстоятельства.

— Устав тот же. Проверьте.

Эймар протянул руку.

— Дайте посмотреть.

Я передала лист. Он быстро прочитал.

— Десять дней?

— Совет собирается через три. Даже если обсуждение затянется, десяти достаточно.

— Кто гарантирует, что деньги не исчезнут?

— Городская палата.

— Мне этого недостаточно.

— Тогда выберите троих наблюдателей от Кайра и троих от западных земель. Каждая операция проводится при их совместной подписи.

Эймар задумался. Реван тоже. Я не торопила. В переговорах самая полезная способность часто заключалась не в умении говорить, а в умении молчать после правильного предложения. Наконец Эймар спросил:

— Поставки в Лейрскую долину остаются частью договора?

— Да.

— Даже если через десять дней Совет отменит остальные условия?

Я задумалась. Вот здесь можно было ошибиться. Если я потребую слишком много, северяне уйдут. Если слишком мало — западные получают повод считать, что я спасаю только Кайр.

— Половина поставок отправляется сегодня, — сказала я. — Остальная половина после решения Совета. Если соглашение отменяют полностью, вторая часть становится предметом новых переговоров.

Реван поднял бровь.

— А западные земли?

— Получают гарантию, что спорная сумма не исчезнет и не будет потрачена до решения.

— И всё?

— Нет. Караваны проходят только через два утверждённых пункта, чтобы вы могли вести точный счёт. Никаких боковых дорог в течение десяти дней.

Он посмотрел на Эймара. Тот недовольно выдохнул.

— Через два пункта неудобно.

— Знаю. Но Ревану тоже приходится уступить.

Кто-то из северян засмеялся, и Реван едва заметно улыбнулся. Люди за нашими спинами уже переговаривались тише.

— Покажите готовый текст, — сказал он.

— Сначала напишем. Здесь есть стол?

— Вы хотите составить всё сейчас?

— Пока они ждут у ворот — да.

Он кивнул. Мы заняли стол в помещении торговой палаты возле ворот. Через полтора часа временное соглашение было готово. Через два под ним стояли подписи обеих сторон. Никто не называл меня императрицей. Никто не обязан был слушаться.

Наверное, именно поэтому происходящее ощущалось иначе. Они согласились не с моим титулом. С моими доводами. Когда ворота открылись, первый северный обоз медленно двинулся на западный тракт. Толпа расступилась. Люди начали расходиться.

Эймар Кайр задержался.

— Я всё ещё не понимаю, что вчера случилось с Короной, — сказал Эймар.

— Я тоже.

Он помолчал.

— Но вашу работу для провинций я знаю. Если потребуются свидетели, обратитесь к Кайру.

Я смотрела на него и не находила слов. Он благодарил меня, хотя мне больше нечем было его наградить.

— Спасибо, Эймар. Я запомню.

Он кивнул и ушёл. Я осталась возле открытых ворот. Только теперь почувствовала усталость. Хотелось домой. В мой маленький запущенный двор. К старому столу и бумагам матери.

Странно, как быстро это место стало звучать словом «дом». Я уже собиралась уходить, когда люди на улице начали останавливаться. Сначала несколько человек. Потом десятки. Кто-то поднял руку к небу.

— Смотрите!

Я обернулась. Над крышами столицы появилось что-то тёмное. Сначала я решила, что это птица. Потом предмет поймал солнечный свет. Металл вспыхнул. У меня перехватило дыхание.

Он летел со стороны дворца. Через весь город. Высоко над башнями, улицами и площадями. Люди выбегали из лавок. Открывались окна. Возницы останавливали повозки. Кто-то

закричал, и крик подхватили дальше по улице. Я не могла пошевелиться. Тёмное Крыло делало широкий круг над Старой площадью.

И направилось ко мне.

— Госпожа Вейрель... — прошептал Реван.

Я слышала, как люди вокруг отступают. Крыло опускалось медленно. На его поверхности горели тонкие серебристые прожилки. Первое, спрятанное в сумке, вдруг стало тёплым. Второе зависло передо мной. Теперь происходящее видели не шесть сотен придворных за закрытыми дверями.

Его видела улица. Купцы. Стражники. Возницы. Рабочие. Представители двух провинций.

Сотни людей, которые уже тянулись к площади со всех сторон. Я подняла ладонь. Крыло опустилось на неё. На мгновение оба металлических знака отозвались друг другу едва слышным звоном. Где-то далеко, на холме, ударили дворцовые колокола. Один раз.

Потом второй. Я посмотрела в сторону чёрных башен. Эрвен хотел сохранить Первое Крыло в тайне. Второе пролетело над половиной столицы. И теперь скрывать было уже нечего.

Глава 3. Королева без короны

Второе Крыло ещё лежало у меня на ладони, когда кто-то в толпе назвал меня государыней. Я даже не поняла, кто именно. Голос пришёл откуда-то справа, затерялся среди десятков других, но слово слышали все. По площади прошёл странный отклик: люди поворачивались друг к другу, повторяли услышанное шёпотом, спорили, а несколько человек возле торговой палаты вдруг склонили головы так, как ещё вчера склоняли их передо мной во дворце. Это было хуже крика.

— Не надо, — сказала я.

Ближайшие слышали. Женщина с корзиной, стоявшая почти у самой стены, посмотрела на меня с таким искренним недоумением, будто я отказалась от собственн

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.